

О СЕМАНТИКЕ ПРИПЕВА *LADO* В ЛИТОВСКИХ СУТАРТИНЕС\*

Исследователь литовских сутартинес З. Славюнас, говоря о значении припева в создании художественного образа, указывал, что «припевы сутартинес сохраняют логическую связь с их текстом, согласуются с содержанием и назначением сутартинес...». Однако «значимые слова иногда искажаются и надолго становятся непонятными» [Slaviūnas 1958, 20]. К таким припевам, «настоящую смысловую связь которых с содержанием песни уже нельзя проследить», исследователь относит *čiūto, dautuvo, rima tuta, tuita* [там же, 21]. Современным читателям неясно значение и встречающегося в припевах сутартинес слова *lado* с разнообразными суффиксами и приставками (*laduto, ladūto, lōduta, ladoto, liadeli, liada, ėiuladele*), смысл которого мы здесь попытаемся хотя бы приблизительно раскрыть.

В припевах сутартинес *lado* или производные от этого слова попадают в таких сочетаниях: *Lado tatato* [SS III, 1217], *Laduto, laduto* [SSI, 6], *ladoto, / Ladoto, ladoto* [SSI, 103], *Ėiuladele, tatato* [SS II, 869], *Laduto, / Laduto tuto*<sup>1</sup> [SS II, 561 a, b; SS III, 1336 a, b], *Loduto / Loduta, loduta / Loduta, loduta* [SS I, 260], *Liadeli, liadeli / Liada rilio*<sup>2</sup> [SS II, 684], *Laduto laduto / Ladutėla, laduta* [SS III, 1369].

В собрании литовских хоровых песен «Сутартинес», подготовленном З. Славюнасом [Slaviūnas 1958; 1959], сутартинес с этими припевами относятся к группам трудовых песен [охотничьих — SSI, 6, связанных с жатвой ржи — SSI, 103, уборкой льна — SSI, 260], свадебных [SS II, 648, 869], военных [SS III, 1217], семейных [SS II, 647, 648], плясовых [SS III, 1335, 1336 a, b, 1337, 1338, 1339] и к сутартинес, посвященным природе. Однако их классификация в издании условна. Например, одна из двух явно одинаковых по структуре и похожих по содержанию сутартинес о журавушке отнесена к охотничьим [SSI, 6], другая — к песням, посвященным уборке ржи [SSI, 103], а еще одна, правда, уже несколько отличная от предыдущих, — к песням, посвященным уборке льна [SSI, 260]. Похожие песни о елочке относятся к сутартинес, связанным с природой

\* Публикация из архива ежегодника. Статья поступила в редакцию в сентябре 1979 г. Автор (†1996) представил ее не как законченную работу, но как материал, побуждающий к изучению данной темы в плане балто-славянских сходжений.

<sup>1</sup> Варианты: *laduto / Laduto tuto* [SS III, 1338; SS II, 647, 648], *Ladoto, / Ladūto tūto* [SS III, 1337].

<sup>2</sup> Варианты: *Liado, liaduti, liado rilio* [SS II, 681].

[SS II, 647, 648]. Намного точнее эти песни классифицированы в каталоге литовских народных песен Института литовского языка и литературы (раздел, посвященный сутартинес, подготовила В. Мисявичене). Здесь уже все три сутартинес о журавушке отнесены к разделу, посвященному уборке ржи, а песни о елочке — к семейному и под.

Хотя сутартинес с упомянутыми припевами как у З. Славюнаса, так и в каталоге отнесены к разным жанрам, нетрудно заметить, что все они имеют немало общих черт. В сутартине о елочке [SS II, 647] в центре внимания взросление молодых людей — братец и сестрица всех перегнали в росте. Образы молодых людей еще больше поэтизированы параллельным образом елочки, переросшей все деревья в лесу. Хотя поется только о елочке [SS II, 561 a, b, 648, ], песня наводит на мысль о быстро взрослеющих молодых людях. В одной сутартине [SSI, 260] журавушку (*gervelė fem.*) зовут залететь в садик, сорвать цветок, свить веночек. Здесь также приходит в голову мысль не о птичке, а о достигшей зрелости девушке, которой, как будущей невесте, уже пора свить веночек, вступить в общество взрослых. Надо полагать, что и в другой сутартине, когда поют о том, как стрелок убивает журавушку [SSI, 6], тоже имеют в виду девушку, которую уводит юноша. А в третьей сутартине журавушку призывают покормить «своих детей» [SSI, 103]. Песни «Kad mes buvom» [SS II, 684] и «Selagij viteli rikavo» [SS II, 869] уже прямо относятся к свадебным; в первой из них поется об ухаживании парней за девушками, а во второй — о невестке, раздающей подарки.

Хотя сутартине «Išjos brolis» [SS III, 1217] явно военная, поется она от имени сестры воина и отражает ее переживания. Вероятно, молодые девушки пели и танцевали сутартинес, в которых говорится о проданных отцом и угоняемых волах [SS III, 1335–1338], поскольку в одном варианте поется о том, что угоняемый в Ригу вол глядел «где мы втроем сидели» [SS III, 1336 b], а в другом — «где много певцов» [SS III, 1337]. З. Славюнас, рассматривая тематику плясовых сутартинес, упоминает, что в них отражается бытовая картина — продажа волов [Slaviūnas 1959, 14]. Судя по другим образам песен, начинающих тем же знаменитым *Sutrinko trinko*, всех их следует отнести к свадебным сутартинес. Сам вол здесь необыкновенный — когда он лежит, его рога торчат «на девять миль», а глаза смотрят на певиц [SS III, 1337]. Учитывая популярность и обрядовость свадебных песен о забивании вола или козла [см. LDK VD, 2679], можно задуматься — не являются ли сутартинес-пляски, посвященные отцовскому волу, обрядовыми, ритуальными, связанными со свадебным забиванием вола?

И наконец в сутартине-пляске «Laduto, laduto» [SS III, 1369] поется о неприязненных отношениях невестки и свекра («Aš šešūrai / Labas rytas / Man šešūras / Nė žodelio»).

Как мы видим, почти все сутаргинес с упомянутыми припевами тем или другим аспектом связаны с достигшими зрелости молодыми людьми, прежде всего, девушками или невестками (в них или поется о достижении зрелости молодыми людьми, о любовных отношениях, или они выражают чувства молодых людей, или их поют молодые сестрицы). Если припев *Lado* был значимым словом, то, без сомнения, своей семантикой он должен был быть связан с миром молодых людей, прежде всего девушек и невесток.

Слово *lada* встречается и в детских песенках-играх («*Ladu ladu ladutes / keps močūtė bandeles*» — см. LDK VKD, 112). Здесь семантика *ladu* ассоциируется со словом *ladutė*, означающим «сложение ладоней, хлопанье в ладоши» [LKŽ VII, 9]. Слово *ladutė* в литовском языке используется и как эпитет кошки [там же]. Появление этого слова в детских песнях позволяет думать, что своей семантикой оно могло быть связано и с миром детей.

Насколько исторические источники могут помочь проследить семантику этого слова?

В вышедшей в 1582 г. «Хронике» М. Стрыйковский, описывая древние праздники, указывает, что от первого воскресенья после Пасхи до дня св. Иоанна Крестителя женщины и девушки собираются группами и, взявшись за руки, танцуют, повторяя: «*Lado, lado ir mano lado*». А делают это «в память о Ляде или Ладоне, матери Кастора и Поллукса, хотя обыкновенные люди не знают, откуда этот обычай» [Strykowski 1582, 147]. В другом месте своей «Хроники» М. Стрыйковский, рассказывая о литовских и жемайтйских богах, утверждает, что *Dzidzis Lado* был великим богом, которому приносили в жертву белых кастрированных петухов и праздник которого отмечали в корчмах с 25 мая до 25 июня, а женщины и девушки, взявшись за руки, на лугах и на улицах танцевали, трогательно пели и повторяли: «*Lado, lado, lado didis mūsų dievas!* то есть: „великий наш бог Ладос!“», что еще и сейчас делают в Литве, Жемайтии и России» [там же, 157]. Ладос в Хронике М. Стрыйковского упоминается и в несколько другом контексте. В трех местах отмечается, что князей, возвращающихся с победоносных сражений, литовцы встречают, распевая «*Lado, lado*» [там же, 338, 423, 470].

Ладос, Ладона упоминаются и в славянских источниках XVII в. В летописи Густина (список 1670 г.) Ладос считается богом царства умерших, а также богом свадеб, увеселений, утешения и всяческой удачи. Он приравнивается к римскому Плутону и греческому Бахусу. В некоторых странах еще во времена летописца на крестинах и свадьбах в честь Ладоны пели песни, хлопая в ладоши и повторяя: «*Lado, lado*»<sup>3</sup>. Подобным образом Ладона охарактеризован М. Кро-

<sup>3</sup> \*...Четвертый Ладос, си есть Pluton, богъ пекелный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, якоже Еллины Ба-

мером в хронике и в других источниках того времени [Strykowski 1582, 118–129].

Как мы видим, литовские и славянские исторические источники дают очень много заманчивых сведений для изучения семантики *Lado*, вся беда только в том, что уже с давних пор ученые на эти источники смотрят недоверчиво.

Уже С. Станявичюс в «Объяснении литовской мифологии», написанном около 1835–1838 гг., утверждает, что бог Ладо М. Стрыйковского выдуман, что он просто принял за бога повторяемое в песенных припевах слово *lado* [Stanevičius 1967, 287–289]. С. Даукантас *Dzidzis Lado* М. Стрыйковского считал искаженными словами *Titis leido*, относящимися к Перкунасу [Daukantas 1976, 494, 542]. М. Акелайтис тоже считает *Lado* искаженной формой *laido (leido)* [Akielewicz 1863, 91]. А. Брюкнер идет еще дальше. Он считает *Lado* вообще славянским припевом, который будто бы вместе с купальскими праздниками погал в литовские песни [Mannhardt 1936, 340]. С таким мнением соглашается Г. Узенер [Usener 1896, 90]. Не считал Ладо богом и В. Маннхардт [Mannhardt 1936, 341].

Большое недоверие вызвал и упоминаемый в славянских источниках Ладо или Ладона. Исследователь славянской религии В. Мансика прямо утверждает, что мифологические имена *Ладо*, *Леда* выдуманы [Mansikka 1922, 126–127], а А. Брюкнер вообще в слове *ладо* не усмотрел ничего кроме обычного возгласа рефрена [Трубачев 1959, 100]. Ладо не упоминается и в новейших описаниях религии славян [Jakobson 1950, 1025–1028; Reiter, 163–208].

Однако о Ладо есть и другие мнения. В подлинности бога Ладо не сомневается Д. Пошка. Он упоминает еще, что няньки хлопают в ладоши и поют: «*Lado lado laduti, duos mamalė paputi*» [Poška 1959, 336–337]. Л. Юцявичюс, отмечая, что Меховита и Длугош считали Лядо или Ледо славянским божеством, заимствованным из греческой и римской мифологии, добавляет, что «Богиня Ляда в России и Литве также покровительствовала супружеским узам и согласию» [Jucevičius 1959, 234, 238]. Л. Юцявичюс также приводит приписку, сделанную на экземпляре уже упоминаемой нами хроники М. Кромера (хранящемся в публичной библиотеке г. Риги), в которой говорится, что «и в наши времена литовцы, так же, как латыши и курши, почитают Лядо или Ледо незадолго до дня св. Иоанна. В это время по старому суеверному обычаю они украшают цветами и ветками деревьев все источники и собирают всякие травы, которые долж-

---

хуса; сему жертвы приношаху хотящии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона бѣса по нѣкакыхъ странахъ и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поуще своя нѣкія пѣсни и руками о руки или о столъ плещуще „Ладо, Ладо“ преплетающе пѣсни своя, многажды поминають...» [Mansikka 1922, 114–115].

ны лечить от разных болезней» [Juševičius 1959, 234]. Т. Нарбут считал Ладо важной богиней всей северной Европы, которую почитали древние славяне, эстонцы, литовцы и которая, помимо всего прочего, покровительствовала детям от рождения до свадьбы [Narbūt 1835, 39–40]. Совсем некритически сведения Стрыйковского о боге Ладо принимает литовский этнограф П. Дундулене [Dundulienė 1969, 185].

О Ладо как о славянском боге, кроме всего прочего выполняющем и функции бога свадеб, говорит белорусский историк Н. М. Никольский [Никольский 1956, 149]. Славянской богиней, покровительницей свадьбы и семьи, считает Ладу исследовательница болгарских календарных обычаев Т. Колева [Колева 1973, 276]. Однако, как правило, все эти мнения высказывают не мифологи, а этнографы, специально не исследовавшие проблему подлинности бога Ладо. Хотя известнейшие исследователи славянской мифологии В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов признают, что все еще господствует недоверчивое отношение к Ладо и другим подобным божествам, однако они уже не так критичны, как В. Мансикка, А. Брюкнер и др. [Иванов, Топоров 1965, 58, 61].

Похоже, назрела необходимость, опираясь на более глубокий анализ исторических источников и новейшие исследования мифологии балтов и славян, снова поднять проблему подлинности *Lado*. Однако, каким бы критическим ни было отношение к подлинности бога Ладо, Ладоны, упомянутые исторические источники усиливают, конкретизируют и отчасти корректируют семантическое поле *лада*, которое выстраивается на основе литовских народных сутартинес и детских песенок. Тем более, что *лада* в славянских языках известно и как значимое слово, означающее мужа или жену [Трубачев 1959, 99; Фасмер 1967, 447]. О. Н. Трубачев слово *lada* выводит из и.-е. *\*al-dho-s*, что значит 'взрослый', 'зрелый', и полагает, что его первоначальное значение было 'муж', а не 'жена' [Трубачев 1959, 100–101]. Это мнение он подкрепляет данными русского языка и фольклора, где *лада* больше связывается с мужским полом. Между тем в южнославянских языках оно чаще относится к женскому полу: сербохорв. *lāda* — 'супруга', болг. *lāda* — 'вторая дочь в семье, которая во время церемонии ладования идет за водой' [Фасмер II, 447] и под. Интересно, что и в ликийском языке *lada* также означает жену, женщину. Вряд ли это совпадение случайно, как считают О. Н. Трубачев и М. Фасмер. Тем более, что в балканской традиции *lada* как раз больше связывается с женским полом. Литовский материал здесь служит как бы посредническим звеном. С одной стороны, литовские народные песни с припевом *lado*, как мы видели, прежде всего относятся к девушкам и невесткам (женский пол). И в прошлом, если верить М. Стрыйковскому, песни с *lado* как раз пели женщины и девушки. Однако возможна связь слова *lado* и с мужским полом. Здесь вспоминается военная су-

тартине с припевом *lado* и данные М. Стрыйковского о том, что литовцы, встречая своих князей, пели *lado, lado*.

Есть сведения, позволяющие считать, что *lado* и другие родственные ему слова когда-то могли иметь и сакральный, мифологический смысл. Прежде всего, в этом отношении следует обратить внимание на болгарские новогодние обряды ладования — ритуальные гадания девушек о будущем женихе [см. Колева 1973, 225–226]. Эти обряды явно связаны со свадьбой. Они называются ладованием (*ладуване*), и главную их исполнительницу — обычно вторую дочь, которая идет к источнику за водой, — называют *лада*. Главная исполнительница часто называется также именем мифического персонажа, который она изображает (например, главная исполнительница ритуала вызывания дождя на Балканах называется именем мифического существа — *пеперуна, пеперуда, додола...*: [см. Иванов, Топоров 1974, 104–107]), что позволяет предположить, что *лада* вместе с тем было и именем мифического персонажа, богини, в честь которой, скорее всего, и исполнялись эти обряды, и, как видно из обрядов ладования, эта богиня прежде всего должна была покровительствовать свадьбе и будущей семье.

Мнение о том, что в балтийской и славянской традициях *lado* могло иметь и мифологическое значение, отчасти подкрепляет и персонаж греческой мифологии Ладон [Standard Dictionary 1950, 598–599], если только совпадение этих имен не случайно. Дракон Ладон, страж чудесных яблок в саду Гесперид, когда-то бывший хтоническим богом Аркадии, как своим происхождением, так и исполняемыми функциями очень близок к самим нимфам Гесперидам. Зная символическое значение яблока как воплощения эротического начала, нетрудно представить, какую важную роль Ладон мог играть в жизни взрослых молодых людей, особенно в момент свадьбы. Не будем забывать также о значении яблока как символа жизни и смерти, что связывает Ладона с ритуалами крестин и похорон.

На возможный мифологический смысл *lado* указывает и его употребление в детском фольклоре, где встречается очень много десакрализованных ритуальных текстов или их отрывков. Интересно, что *ladutė* в детских песенках чередуется с *katutė* [LDK VKD, 112]. Из-за этого, вероятно, слово *ladutė* в литовском языке и употребляется как эпитет кошки [LKŽ VII, 9].

И, наконец, не менее значим тот факт, что в литовском языке *ladėti, laduti (išladyti)* значит 'ругать', 'проклинать' [LKŽ VII, 9]. То же самое означает и латышское *lādēt* [LLKŽ, 342], в то время как *lādzīgs* значит 'прекрасный', 'приличный', 'приятный' [LLKŽ, 343]. А слова смыслового поля 'ругаться', тоже часто имеют мифологическое значение (ср. *velniuoti, išvelniuoti*).

Суммируя все, что было сказано, можно утверждать, что встречающееся в припевах литовских сугартинес слово *lado* прежде не только

было значимым словом, но, скорее всего, имело и сакральное, мифологическое значение. Поэтому утверждение М. Стрыйковского и других авторов хроник XVI–XVII вв. о том, что Ладо (Ладона) был почитаемым литовцами, русскими и другими соседними народами богом (или богиней), не лишено основания.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Иванов, Топоров 1965 — Вяч. Вс. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Иванов, Топоров 1974 — Вяч. Вс. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Колева 1973 — Т. А. К о л е в а. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX — начала XX в. Зимние праздники. М., 1973, 266–283.
- Никольский 1956 — Н. М. Н и к о л ь с к и й. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.
- Трубачев 1959 — О. Н. Т р у б а ч е в. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Фасмер II — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. II.
- Akielewicz 1863 — M. A k i e l e w i c z. Uwagi // J. L e l e w e l. Pisma rozmaite. Poznań, 1863, 79–108.
- Daukantas 1976 — S. D a u k a n t a s. Raštai. I. Vilnius, 1976.
- Dundulienė 1969 — P. D u n d u l i e n ė. Senovės lietuvių religijos klausimu // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. X. Vilnius, 1969.
- Jakobson 1950 — R. J a k o b s o n. Slavic mythology // Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend. New York, 1950, 1025–1028.
- Jucevičius 1959 — L. A. J u c e v i č i ū s. Raštai. Vilnius, 1959.
- LDK VD — Lietuvių liaudies dainų katalogas. B. Kazlauskienė. Vestuvinės dainos jaunojo pusėje. Vilnius, 1977.
- LDK VKD — P. J o k i m a i t i e n ė. Lietuvių liaudies vaikų dainų tipų katalogas // P. J o k i m a i t i e n ė. Lietuvių liaudies vaikų dainos. Vilnius, 1970, 173–252.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. I–XI. Vilnius, 1941–1978.
- LLKŽ — J. B a l k e v i č i ū s, J. K a b e l k a. Latvių–lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1977.
- Mannhardt 1936 — W. M a n n h a r d t. Letto-Preussische Götterlehre // Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. XXI. Riga, 1936.
- Mansikka 1922 — Die Religion der Ostslaven von V. J. Mansikka. I. Quellen // FF Communications. Helsinki, 1922, № 43.
- Narbutt 1835 — Dzieje starożytne narodu litewskiego przez Teodora Narbutta. Mitologia litewska. Wilno, 1835, t. I.
- Poška 1959 — D. P o š k a. Raštai. Vilnius, 1959.

- Reiter — Mythologie der alten Slaven von Norbert Reiter // Wörterbuch der Mythologie / Herausgegeben von H. V. Haussig. I Abteilung. Die alten Kulturvölker. 6 Lieferung. Stuttgart, 1965, 163–208.
- Slaviūnas 1958 — Z. S l a v i ū n a s. Sutartinės // Sutartinės. Daugiabalsės lietuvių liaudies dainos. I. Sudarė ir paruošė Z. Slaviūnas. Vilnius, 1958, 9–37.
- Slaviūnas 1959 — Z. S l a v i ū n a s. Istorinės, humoristinės, šokių ir instrumentinės sutartinės // Sutartinės. Daugiabalsės lietuvių liaudies dainos. III. Sudarė ir paruošė Z. Slaviūnas. Vilnius, 1959, 5–24.
- SS — Sutartinės. Daugiabalsės lietuvių liaudies dainos. Sudarė ir paruošė Z. Slaviūnas. Vilnius, 1958, t. I, II; 1959, t. III.
- Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend / Maria Leach Editor, Jerome Fried Associate Editor. New York, 1950, vol. 2.
- Stanevičius 1967 — S. S t a n e v i č i u s. Raštai / Paruošė J. Lebedys. Vilnius, 1967.
- Strykowski 1882 — M. S t r y j k o w s k i. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, t. 1.
- Usener 1896 — Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung von Hermann Usener. Bonn, 1896.